

А. М. Пешковский

Русский синтаксис в научном освещении

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. М. Пешковский**
Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 448 с.

ISBN 978-5-517-98001-4

ISBN 978-5-517-98001-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

школъ и въ которыя онъ обычно тѣмъ тверже вѣруеть, чѣмъ менѣе сознательно онъ ихъ въ свое время воспринялъ; отдѣлитель грамматическую сущность рѣчи отъ ея логико-психологическаго содержанія, показавъ, что у всѣхъ этихъ скучныхъ падежей, наклоненій, залоговъ и т. д. есть *свое* содержаніе, въ школъ игнорируемое и замѣщаемое логическимъ; наконецъ, устранить вопіющее смѣшеніе науки о языкѣ съ практическими примѣненіями ея въ области чтенія, письма и изученія чужихъ языковъ—вотъ какъ опредѣляются эти цѣли. Послѣдняя цѣль особенно близка была его сердцу. Всѣ мы смѣемся надъ Простаковой, смѣшивающей географію съ наймомъ извозчика. И всѣ мы находимся въ точно такомъ же положеніи въ отношеніи языковѣдѣнія. Если читатель забудетъ со временемъ все, что онъ извлекъ изъ этой книги, но если онъ сохранитъ навсегда твердое убѣжденіе, что: 1) существуетъ особая наука о языкѣ, изучающая языкъ, какъ естественное явленіе, непрерывно и закономѣрно развивающееся, 2) что грамматика есть одна изъ вѣтвей этой науки, изучающая жизнь и развитіе тѣхъ явленій языка, которыя называются „формами“, и 3) что какъ вся эта наука въ цѣломъ, такъ и та или иная отрасль ея могутъ имѣть только такое отношеніе къ искусству „правильно читать, писать и говорить“, какое географія имѣетъ къ искусству нанимать извозчиковъ или составлять интересные маршруты—авторъ сочтетъ себя вполне удовлетвореннымъ.

Для облегченія чтенія книга набрана двумя способами. Все хотя сколько-нибудь трудное, отвлеченное, а также все частное или прикладное выдѣлено въ „мелкій“ (собственно, сжатый) шрифтъ, основному же тексту приданъ, по возможности, самостоятельный характеръ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при желаніи можно было ограничиться имъ однимъ.

Предполагавшееся ранѣе „Приложеніе“, на которое въ текстѣ сдѣланы ссылки и которое должно было заключать въ себѣ школьно-практическіе выводы, рѣшено, въ виду разросшихся размѣровъ книги и самаго приложенія, выпустить особой книгой, которая выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ заключеніе считаю долгомъ высказать глубокую благодарность пр.-доценту Московскаго университета Д. Н. Ушакову, немало способствовавшему своими указаніями и моральной поддержкой выходу въ свѣтъ этой книги.

А. Пышковскій.

Москва, 14-е апрѣля 1914 г.

Важнѣйшія опечатки.

			<i>Напечатано:</i>	<i>Надо:</i>
Стр.	10 строка	7 снизу (въ вын.)	вынесъ	вынѣсъ
"	49 "	9 "	темнотѣ	теплотѣ
"	75 "	13 "	„ел“	„ле“
"	77 "	8 сверху	ѣдемъ	идемъ
"	88 "	5 снизу	XXIII	XXVI
"	89 "	4—5 "	При мѣ	При этомъ
"	92 "	19 "	числа).	числа),
"	146 "	2 "	„кромка“	„кромка“)
"	182 "	4 "	точь въ точь, съ виду,	точь въ точь,
			подъ стать	подъ стать
"	195 "	12 "	есть	есть
"	307 "	8 "	которомъ въ	въ которомъ
"	313 "	1 " (въ вын.)	на стр.	на стр. 119
"	343 "	9 сверху	мечта	мета

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.

Стран.
I—III

Отдѣль первый.

Предварительныя свѣдѣнія изъ общаго языковѣдѣнія
и психологій.

I. Понятіе о формѣ слова	1
II. Объ измѣненіи формъ словъ въ языкахъ	13
III. Формы синтаксическія и несинтаксическія	29
IV. Основные грамматическіе разряды словъ (части рѣчи)	32
V. Части рѣчи, какъ формы	36
VI. Значеніе формъ частей рѣчи	38
VII. Понятіе о формѣ сочетанія словъ. Морфологія и синтаксисъ	69
VIII. Объ измѣненіи формъ сочетаній въ языкахъ	83
IX. Свѣдѣнія изъ психологій	94
X. Понятіе о предложеніи	111

Отдѣль второй.

Нераспространенное предложеніе.

XI. Подлежащее и сказуемое	115
XII. Формы сказуемости	120
XIII. Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ	130
XIV. Отношеніе подлежащаго и сказуемаго къ частямъ рѣчи	139

Отдѣль третій.

Распространенное предложеніе.

XV. Дополненіе	141
XVI. Опредѣленіе	169
XVII. Обстоятельство	178
XVIII. Второстепенное сказуемое	183
XIX. Зависимость въ распространенномъ предложеніи	186

Отдѣль четвертый.

Нераспространенное и распространенное предложенія въ краткихъ формулахъ.

- XX. Члены предложенія въ ихъ отношеніяхъ къ частямъ рѣчи и другъ къ другу 188
- XXI. Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы сочетаній 190
- XXII. Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы языковой мысли. 192

Отдѣль пятый.

Особые разряды второстепенныхъ членовъ.

- XXIII. Глаголы-связки. Сказуемые второстепенные члены. Сказуемые сочетанія 194
- XXIV. Безглагольные предложенія со сказуемыми членами. Отрицательная связка 232
- XXV. Сочетанія глагола съ инфинитивомъ. Инфинитивная связка . . . 246
- XXVI. Обособленные второстепенные члены. 253

Отдѣль шестой.

Особые разряды предложеній.

- XXVII. Союзы внутри предложеній. Однородные члены. Слитныя предложенія. 286
- XXVIII. Отрицательныя предложенія 296
- XXIX. Вопросительныя, восклицательныя и повелительныя предложенія . 300
- XXX. Устраненіе подлежащаго. Безличныя предложенія 303
- XXXI. Неопредѣленно-личныя предложенія. 330
- XXXII. Неполныя предложенія 336

Отдѣль седьмой.

Дополненія къ ученію о предложеніи.

- XXXIII. Служебные члены предложенія 347
- XXXIV. Слова и сочетанія, стоящія внѣ предложенія 351
- XXXV. Замѣстительныя слова и сочетанія въ предложеніи 359
- XXXVI. Особенности въ употребленіи счетныхъ существительныхъ. . . 368
- XXXVII. Члены предложенія и члены мысли 373

Отдѣль восьмой.

Сочетаніе предложеній.

- XXXVIII. Понятіе о сложномъ предложеніи. 386
- XXXIX. Понятіе о сочиненіи и подчиненіи предложеній 391
- XL. Сочиненіе предложеній 399
- XLI. Подчиненіе предложеній 403
- Алфавитный указатель. 435
-

РУССКІЙ СИНТАКСИСЪ ВЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Совершенствованіе наукъ выражается въ ихъ разграниченіи относительно цѣли и средствъ, а не въ смѣшеніи, въ ихъ взаимодѣйствіи, а не въ рабскомъ служеніи другимъ.

А. Потебня.

Отдѣлъ первый.

Предварительныя свѣдѣнія изъ общаго языковѣдѣнія и психологiи.

I.

Понятiе о формѣ слова.

Огромное большинство словъ русскаго языка распадается въ нашемъ умѣ на части. Возьмемъ, напр., слово „стекло“. Оно намъ кажется состоящимъ какъ бы изъ двухъ частей: „стекл“ и „о“. Происходитъ это отъ того, что мы невольно, сами того не сознавая, какъ бы сравниваемъ слово „стекло“ съ другими словами, на него похожими. Такъ, мы сравниваемъ его со словами: стекла, стеклу, стекломъ, стеклянный, стеклышко, стекляшка, застеклить, стеклярусъ и т. д. Отъ этого сравненiя у насъ выдѣляется въ сознании сходная во всѣхъ этихъ словахъ часть „стекл“. Въ то же время мы сравниваемъ слово „стекло“ и съ такими словами, какъ: весло, помело, перо, серебро, полотно, сукно, долото, кольцо и т. д. Отъ этого сравненiя у насъ выдѣляется сходная часть „о“. Такимъ образомъ „стекло“ и распадается на „стекл + о“.

Распаденiе
слова
на части
вслѣдствiе
сравненiя съ
другими
словами.

Слова, которыя при такомъ сравненiи приходятъ намъ въ голову, сходны со словомъ „стекло“ не только по звукамъ, но и по значенiю. Никому не придетъ въ голову сравнивать слово „стекло“ съ прошедшимъ временемъ глагола „стекать“ (напр.: „вода стекла въ канаву“), а также никто не найдетъ никакого сходства между такими словами, какъ: стекло, весло, долото и т. д., и такими, какъ: легко, смѣшно, хорошо, умно и т. д. Сразу чувствуется, что это „стекл“ въ прошедшемъ времени глагола „стекать“ совсѣмъ не то, что „стекл“ въ словѣ „стекло“, и это „о“ въ словахъ: легко, смѣшно, хорошо, умно и т. д. совсѣмъ не то, что „о“ въ словѣ „стекло“. Значить, слово „стекло“ первой своей частью

Сравненiе
происходитъ
и по звукамъ,
и по значенiю.

(„стекл“) и по звукамъ, и по значенію сходно со словами: стекла, стеклу, стеклянный и т. д., а второй своей частью („о“) тоже и по звуку, и по значенію сходно со словами: весло, помело, окно, сукно и т. д. А стало быть наше „стекло“ распадается не на 2 бессмысленныя группы звуковъ, а на части, имѣющія значенія. Вотъ этими значеніями-то мы и займемся.

Значеніе
объихъ частей.
Вещественная
и формальная
часть.
Форма слова.

Посмотримъ прежде всего на первую часть: „стекл“. Въ ней, въ сущности, уже названъ тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Это уже почти слово, и если какой-нибудь иностранецъ скажетъ намъ вмѣсто „стекло“—„стекл“, то мы можемъ даже понять, о чемъ онъ говоритъ. Значить, это „стекл“ обозначаетъ главное въ словѣ, обозначаетъ ту вещь, которая въ этомъ словѣ названа. Поэтому мы можемъ сказать, что оно имѣетъ здѣсь основное или вещественное значеніе. Конечно, не всегда это будетъ настоящая вещь, которую можно бы было охватить руками. Въ словахъ, напр., „зло“, „добро“ вещественныя части „зл“ и „добр“ обозначаютъ не вещи, а качества. Но все-таки и тутъ онѣ обозначаютъ главное въ нашей мысли, обозначаютъ то, о чемъ мы думаемъ, и притомъ нѣчто все-таки связанное съ вещами: всякому сразу ясно, отъ какихъ вещей взяты эти „зл“ и „добр“. Совсѣмъ не такое значеніе имѣетъ 2-я часть—„о“. Отдѣльно она ровно ничего не значитъ, и если тотъ же иностранецъ скажетъ намъ только „о“, то мы ужъ рѣшительно не будемъ знать, что онъ хочетъ сказать. Приставленная же къ 1-ой части, она тотчасъ же пріобрѣтаетъ значеніе, но значеніе совсѣмъ особенное: не вещественное, а грамматическое. Она показываетъ, что передъ нами имя существительное средняго рода именительно-винительнаго падежа единственнаго числа. Конечно, такія грамматическія частички настолько же необходимы для нашего языка, какъ и вещественныя, потому что безъ нихъ нельзя было бы ничего понять. Если бы, напр., кто-нибудь сказалъ: „окн стекл“, то нельзя было бы понять, что онъ хотѣлъ сказать: „оконныя стекла“ или „стеклянныя окна“. Если бы мы услышали что-нибудь въ родѣ: „дешев стекл куп“, то мы бы не знали, хочетъ ли человѣкъ этимъ сказать: „дешево стекла купилъ“ или: „дешевыя стекла купилъ“ или: „дешевы стекла! купите!“ или: „дешевыя стекла купца“ и т. д. Но все-таки въ отдѣльномъ словѣ все значеніе сосредоточено въ вещественной, а не въ грамматической части, т.-е., въ данномъ случаѣ, въ „стекл“, а не въ „о“. Это „о“

существуетъ въ сотняхъ другихъ словъ, имѣющихъ всевозможныя значенія, а „стекл“ существуетъ въ сравнительно немногихъ словахъ. И всѣмъ имъ придаетъ одно и то же основное значеніе, означая вещество, которое изготовляется изъ сплава песка съ поташомъ и обладаетъ способностью пропускать свѣтъ. Выходить, такимъ образомъ, что 1-я часть („стекл“), хотя и заключаетъ въ себѣ почти все значеніе слова, а все-таки еще не слово, а какой-то обрубокъ, что-то безформенное. Вторая же часть („о“) отдѣльно ничего не значитъ, а, прильнувъ къ первой, сразу дѣлаетъ ее настоящимъ словомъ, придаетъ ей видъ слова, форму слова. И изъ одного такого безформенного обрубка съ помощью разныхъ такихъ частичекъ можно сдѣлать много разныхъ словъ (стекло, стекла, стеклу, стеклянный и т. д.), все равно какъ изъ одного куска бронзы, имѣя разныя формы, можно отлить много разныхъ статуэтокъ. Вотъ почему всѣ такія частички и называются **формальными частями** словъ, а тѣ части, которымъ онѣ придаютъ форму—**основными** или **вещественными частями**. И самая способность слова распадаться на такія двѣ части называется **формой** слова. Далекое не всѣ слова русскаго языка обладаютъ такой способностью. Въ такихъ словахъ, напр., какъ: вчера, безъ, или, ахъ, вскачь, нѣтъ, неужели, какаду, Марокко, Остенде и т. д., мы не можемъ различить ни основы, ни формальной части. Въ нихъ, стало быть, нѣтъ формы. Слова же: стекло, стекла, стеклянный, стеклушка и т. д. обладаютъ формою.

Слово „форма“ употребляется и въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Говорятъ, напр.: „назовите форму род. пад. отъ слова „столъ“! или: „стола“, „стула“, „кресла“ и т. д. суть формы род. пад. ед. числа“. Здѣсь, значитъ, сами эти слова „стола“, „стула“, „кресла“ названы „формами“. Это уже переносный смыслъ термина. Какъ мы обладателя баса или тенора называемъ прямо „басомъ“ и „теноромъ“ („нашъ знаменитый басъ уѣхалъ за границу“), какъ обладателя картуза или шляпы можемъ иной разъ прямо назвать „картузомъ“ или „шляпой“ („эй, ты, шляпа! поди сюда!“), такъ и слово, обладающее формою, можно назвать прямо „формой“. Обычно этотъ переносъ значенія идетъ и еще дальше. Какъ статую Венеры называютъ прямо Венерой, а тѣло, имѣющее форму шара, прямо шаромъ, такъ и слово, имѣющее форму родительнаго падежа, называютъ прямо „родительнымъ падежомъ“. Говорятъ, напр., при разборѣ: „стола“ — родительный падежъ отъ слова „столъ“. Практически такія сокращенія, конечно, необходимы, и мы

Переносный
смыслъ термина
на „форма“.

сами ими будемъ въ дальнѣйшемъ постоянно пользоваться, но все же не слѣдуетъ забывать ихъ истиннаго смысла; не слѣдуетъ забывать, что „стола“ не есть само по себѣ ни родит. падежъ, ни форма, а прежде всего слово, что слово это распадается въ нашемъ сознаниіи на „стол + а“, слѣдовательно имѣетъ ту особенность или то свойство, которое называется въ грамматикѣ формой, и что, наконецъ, формальная часть этого слова „а“ имѣетъ значеніе родительнаго падежа. Вотъ что, собственно, означаетъ выраженіе: „стола“ — родительный падежъ“.

Необходимость
2-хъ рядовъ
словъ.

Какъ видно на примѣрѣ слова „стекло“, для того, чтобы слово имѣло форму, нужно, чтобы въ языкѣ существовало 2 ряда словъ, похожихъ на данное слово:

стекл о, окно, весло, сукно, долото и т. д.
стекл а
стекл янный
стекл ушка
стекл ышко
и т. д.

Въ одномъ изъ этихъ рядовъ должна являться та же основа съ другими формальными частями (вертикальный рядъ нашей схемы), въ другомъ — та же формальная часть съ другими основами (горизонтальный рядъ схемы). Только вслѣдствіе такого двойного сравненія и происходитъ, какъ мы видѣли, распаденіе слова на части. Понятно, что если для какого-нибудь слова такихъ двухъ рядовъ въ языкѣ не находится, формы въ немъ нѣтъ. Возьмемъ, напр., слово „домой“. Для него въ русскомъ языкѣ имѣется только вертикальный рядъ нашей схемы:

дом ой
дом ъ
дом а
дом у
дом омъ
дом ашній
дом овый
дом овничать
и т. д.,

горизонтальнаго же ряда, который долженъ былъ бы имѣть видъ:

* домой, * городой, * лѣсой, * столой, * стулой и т. д.